

18+

+18

**Ночные
кошмары Ханако
3: Беглянка
Неизвестный
1987**

**Внимание:
содержит
шокирующие
сцены...**

Неизвестный 1987
Ночные кошмары
Ханако 3: Беглянка

<https://litres.ru/74285784>

ISBN 9785007074971

Аннотация

Третья часть рассказывает о детстве Ханако, жизни в приюте, побеге ее знакомстве с Каори. Также о школьных годах и первой ее любви. Тяжелых испытаниях на прочность, судьба часто подкидывает ей проблемы, которые ей приходится преодолевать.

Содержание

Глава 1: Беглянка

5

Конец ознакомительного фрагмента.

45

Ночные кошмары Ханако 3: Беглянка

Неизвестный 1987

© Неизвестный 1987, 2026

ISBN 978-5-0070-7497-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0068-8510-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Беглянка

Ханако с рождения была маленькой, она медленно росла.

— Она такая маленькая! — Рю смотрел на жену с ребен-

ком.

Момо, лежа в больничной палате:

— Рю, это твоя дочь Ханако, правда, она миленькая!

— Да, Момо.

Шесть лет спустя:

Момо:

— Рю, ты не устал? Мы уже долго едем.

— Да, пожалуй, стоит остановиться и немного размяться.

Смотри, наша малышка так мило спит, — ответил он с улыбкой, посмотрев на нее.

Момо, коснувшись его руки:

— Не буди. Давай немного пройдемся, нам еще долго ехать, а она так устала — пусть поспит.

Выйдя из машины, они спустились по лесной тропинке.

Момо подбрасывала опавшие листья и кружилась под ними. — Как здесь красиво! Люблю осень.

Рю, доставая фотоаппарат:

— Какая ты красивая! Я вас так люблю...

Момо, повернувшись, увидела, как фотоаппарат выскользнул из его рук и упал на землю. Следом, качнувшись, повалился Рю.

Момо застыла от ужаса, раздался лишь сдавленный крик. Ее голос за мгновение утих.

Их жизни угасли поздней осенью, в закатных лучах солнца, под ударами ножа. Мать и отца Ханako нашли убитыми в лесу. Их лица искажали жуткие улыбки, раны, грубо прочерченные лезвием. Девочку обнаружили спящей в машине; она лишь краем глаза увидела, как грузили накрытые тела.

Девочка сидела в машине, сжавшись в комочек, и, не отрываясь, смотрела на полицейского, открывшего дверь. *«Как ужасно... Что мне сказать такой малышке?»* — растерянно думал он.

Эта семья была не из местных, и дело, как это часто бывало, быстро спустило на тормозах. Так Ханako оказалась в приюте. Дни сливались в один бесконечный круг: общая комната, скрип коек, шепот девочек по ночам. У ее подруги, Кирико, была кукла, сшитая из обрывков юбки и простыней. Такие маленькие ценности приходилось хорошо прятать, ведь не все умели придумать и сшить такую диковинку. Ханako часто попадала в переделки, за что ее строго наказывали, запирая в одиночной комнате, которая находилась в подвале. Со временем подруги одна за другой попадали в Красный дом, но из-за того, что она была очень маленькой и медленно росла, Ханako туда не переводили. Кирико была последней, с кем она дружила; теперь ее фигура растворилась в дверях того жуткого места. А потом пропала и ее кукла, которую подруга оставила Ханako как подарок, — кто-

то украл этот жалкий кусочек уюта. В тот день, когда Ханако исполнилось девять, она увидела, как из «Красного дома» выволокли Кирико. Мужчина кричал, замахивался, и каждый удар отдавался в груди Ханако глухим эхом. Она зажмурилась, но звуки все равно доносились до нее. Когда Ханако открыла глаза, мир стал другим: серым, беззвучным, чужим. Кирико лежала неподвижно, а вокруг ее головы расплывалось темное пятно. Мужчина пнул безжизненное тело и сплюнул. Холод сковал Ханако с головы до ног. Настала тишина. Мужчина посмотрел через прутья забора в ее янтарные глаза. В этой тишине, нарушаемой лишь эхом бьющегося сердца, в ее голове родилась единственная мысль: нужно бежать. Пока не стало слишком поздно.

Попытки побега не увенчались успехом. Пробовать выбежать напрямик через ворота было очень опасно, поэтому она пыталась перелезть через забор, но всегда попадалась.

Когда в приют пришла семейная пара, чтобы взять под «опеку» одну из воспитанниц, Ханако даже не задумывалась о последствиях. Узнав о такой новости, она вбежала в холл здания приюта. Подбежав к богато одетой женщине и лишь коснувшись ее руки, она слезно взмолилась:

— Пожалуйста, заберите меня отсюда! Они нас...

Женщина с отвращением отдернула руку:

— Что это за дрянь!

Настоятельница ударила ее ладонью по лицу так, что чуть оглушила Ханako: ладонь у бабы была здоровенной, как у мужика, а голос — грубый и громкий.

— Миса! — прикрикнула она.

В холл вошла девочка в облачении сестер милосердия. Ее лицо было абсолютно безэмоциональным, а светлые карие глаза — пустыми и безразличными.

— Да, вы меня звали? — спросила она.

Настоятельница распорядилась:

— Выпори ее и запри!

Посетителям представилось мерзкое шоу, что привело богатую женщину в экстаз. Миса привязала Ханako своим пояском к перилам, задрала ее платье так, что ткань закрыла голову. Богатая женщина с холодной улыбкой уставилась на нее, обхватив руку мужа. Рука Мисы дрогнула. *«Что ты так уставилась... Ненавижу, когда на меня пялятся...»* — она хлестнула девочку.

Крик Ханako заполнил холл. Миса опустила руку, сжимающую кожаный ремень.

— Какой у нее красивый звонкий голос! — воскликнула женщина. — Жаль, что она такая маленькая и не справится с работой служанки.

Настоятельница, подойдя, вырвала ремень из рук Мисы и хлестнула ее в назидание по ногам — так, что та присела.

— Что встала! Ничему ты не учишься! — рявкнула она.

Размахнувшись, она хлестнула Ханако так, что кожа лопнула. Девочка потеряла сознание.

— Убери эту мерзавку отсюда! — приказала настоятельница.

Миса отвязала Ханако и поволокла ее в подвал. Уложив на кровати, она процедила:

— Глупая, теперь ты долго сидеть не сможешь. Мне досталось из-за тебя! Эта сука лупит так, что может убить!..

Дверь с металлическим лязгом захлопнулась. Миса оперлась спиной на дверь: *«Почему ты такая упрямая... Думаешь, сбежать? Или добрые люди тебя заберут... Дура, в этом мире не бывает доброты...»*

Она смотрела на свои руки, покрытые шрамами от лезвия

бритвы. Выдохнув, сказала:

— Можешь попытаться сколько хочешь... Но мы обе знаем, что для нас выход — лишь яма за «Красным домом». Ты слышала меня?

С тех пор Ханако стала попадать в эту комнату регулярно. Она не была конфликтной, скорее наоборот: держалась всегда в стороне, сидя со стороны кладбища, которое находилось по ту сторону забора, за «Красным домом». И при любой возможности старалась улизнуть, чтобы в очередной раз попытаться сбежать.

Когда Ханако в скором времени должно было исполниться двенадцать лет, она уже перепробовала все мыслимые варианты. Да еще и Миса, что присматривала за подопечными приюта, была особо жестока к ней. Она больше не могла работать в «Красном доме», а таким девушкам всегда находили другие занятия. Миса часто наказывала Ханако и запирала в одиночной комнате. Март выдался необычно теплым. Ханако сидела на траве, смотря на ряды могил, обрывала траву, делая узкую дорожку вокруг муравейника. *«Вы тоже не можете сбежать отсюда»*, — думала она.

Миса, подойдя тихо, резко схватила ее за руку:

— Ах ты, мелкая проныра, снова за свое! Что ты задумала?

— Я ничего не сделала, — испуганно пробормотала Ханако.

Миса ударила ее по лицу ладонью на глазах у других девушек, что присматривали за младшими, потащила Ханакo в одиночную комнату, находящуюся в подвале, и заперла ее там.

Ханакo пискнула:

— За что?

Ответа не последовало, лишь звук удаляющихся шагов. Она села на пол, прижав колени к груди, и тихонько заплакала от боли, что съедала ее изнутри.

«Почему... Куда вы ушли, мама, папа... Вы оставили меня, потому что больше не любите? Где вы? Пожалуйста, заберите меня... Когда я сбегу, то обязательно найду вас... Вдруг вы заперты в таком же месте и тоже не можете выбраться...»

Так Ханакo провела остаток дня, вспоминая родителей, не зная о случившемся, пока не стемнело.

Ночью луна светила сквозь решетку окна, когда лучи падали на пол перед ней. Холод ночи и подвальная сырость не давали заснуть. Раздался звук открывающегося засова. В комнату вошла Миса с развязанным поясом в руках; Ханакo, завидев ее, забилась в угол.

Миса, положив пояс, села на край кровати:

— Не бойся... Подойди ко мне.

Ее лицо исказилось грустной улыбкой, а тяжелый взгляд был все таким же безжизненно пустым и безразличным. Девочка сидела, сжавшись от страха, боясь старшей, того, что

вдруг она правда что-то заметила.

Миса, подойдя, потянула ее за руку:

— Пойдем. Иначе ты так заболеешь...

Она посадила девочку на кровать, присев перед ней и положив руки на колени испуганной Ханако, выдавила простуженным голосом:

— Настоятельница сказала, что тебе пора отрабатывать свой хлеб. Она хочет отправить тебя в «Красный дом».

Замолчав, Миса вздрогнула; ее пальцы дернулись на коленях Ханако, выдавая ее испуг.

— Тебя хотят перевести обслуживать мужчин, что приезжают сюда. Ты же помнишь, как один из них на улице забил ту девочку до смерти? Я знаю... что ты это видела.

— Да... Кирико была моей подругой, — прошептала Ханако, всхлипывая; обжигающие слезы катились по щекам.

Миса на мгновение закрыла лицо руками. Сквозь растопыренные пальцы были видны ее дрожащие зрачки, а сквозь истеричный стон пробивалась улыбка, больше похожая на судорогу.

«Ты считаешь ее подругой... Ты не слышала... Она прокляла тебя... Умирая, Кирико проклинала тебя...» — пронеслось в спутанных мыслях шестнадцатилетней девушки.

Такой вид еще больше напугал Ханако: она попыталась отодвинуться.

— Ты боишься... Ханако? Я никому не отдам свою маленькую сестренку! Не позволю этим грязным мужикам при-

коснуться к тебе, лишит невинности.

Ханако слушала тихо, ведь Мису она боялась больше неизвестного ей места. Но почему-то сейчас она была очень добра с ней; такая перемена была непонятна и сбивала с толку.

Миса, развернув леденец, вложила его ей в рот.

— Эта карга запрещает вам есть сладости, но я припасла одну для тебя. Тебе нравится?

Во рту у Ханако растекалась непривычная сладость.

— Угу... — прошептала она, чувствуя, как сахар тает на языке.

— Не бойся, я просто очень сильно... — Миса промялила что-то невнятно, ненадолго задумавшись. — Но у нас с тобой осталось так мало времени.

Ханако катала на языке леденец, стараясь растянуть минуту удовольствия; она потеряла ход мысли своей собеседницы.

Миса, обняв ее, прошептала:

— Потерпи немножко.

— Больно, — всхлипнула Ханако.

Миса, согревая ее своим теплом:

— Прости! Ты замерзла... Я наказывала тебя... Боясь, что, если ты попадешься другой, то отправишься сразу к настоятельнице! А она-то точно за такое не пощадит.

Ханако побледнела от одного упоминания о той женщине. Миса аккуратно поправила прядь волос на лице девочки.

— Я такая же пленница здесь, как и ты. Ложись, тебе нужно поспать.

Встав, она сняла с себя форму сестер милосердия и накрыла ей Ханако. В лунном свете были видны шрамы на руках, уходящие под белую плотную ткань сорочки.

— Тебе больно... — спросила Ханако, слезливо прижав руки к груди, затихнув.

Миса легла, обняв ее.

— Нет, мне больше не больно... Это дело рук одного из них: ему нравилось резать меня, пока я могла кричать и сопротивляться. Но со временем мне стало это привычно. Я перестала чувствовать боль и страх и стала неинтересна ему. Здесь лишь один выход — в земле под крестами, что ты постоянно рассматриваешь, — ответила Миса.

Ханако, согрившись, успокоилась, уняв дрожь.

— Там все мои подруги, они и сейчас не могут сбежать отсюда. Иногда я их вижу ночью, стоящими у тех могил...

Она смотрела на Мису, которая тихонько гладила ее по спине. Теперь с ней ей почему-то было непривычно уютно. Ханако наконец-то уснула от ее теплоты.

Утром Миса, разбудив Ханако, дала ей завтрак и теплое одеяло.

Ханако, встав перед ней, спросила, смотря ей в глаза:

— Если ты меня любишь, то почему не даешь сбежать?

Миса тут же прижала ее к себе, прошептав:

— Тише, вдруг тебя услышат!

Она достала из кармана леденец и отдала Ханако.

— Нам дают такие как поощрение за работу, никто не должен знать о нас!

Ханако спешно развернула и положила шарик карамели за щеку. Конфета была важнее пресной каши, которая не отличалась изысканным вкусом.

Миса, тихонько глядя ее, вслушивалась в тишину коридора.

— Тебе придется посидеть пару дней, справишься?

— Угу... — протянула Ханако.

Миса встала на колени, чтобы сравняться с ней ростом хоть немного.

— Я приду, как вчера, а сейчас мне нужно идти.

Миса ушла, оставив ее одну. Ханако, закутавшись в теплое одеяло, снова начала катать на языке шарик карамели, растягивая его сладость. После него даже эта стряпня показалась на вкус лучше.

К середине дня Мису вызвала настоятельница:

— Ты часто наказываешь Ханако, почему?

— Она копается в грязи, постоянно пачкает одежду и пачкается на эти могилы, пугая других девочек рассказами о привидениях, — ответила Миса холодно, с безразличием.

Настоятельница подошла, положив руку ей на плечо.

— Ты должна выбить из нее эту дурь. Но не перестарайся.

К маю ее нужно заселить в освободившуюся комнату. За это время ты приведешь Ханako в порядок. Она дорогого стоит!

— Поняла... — сдержанно процедила Миса сквозь зубы, что заметила настоятельница.

Сжав до боли ее плечо, она предупредила:

— Запомни! Эта соплячка — не твоя игрушка, как ты думаешь. У нее уже есть хозяин, и он скоро приедет.

— Да, настоятельница... Я...

Женщина перебила ее:

— Ты сделаешь все! Чтобы она была послушной и нежной. Не болтала лишнего и не докучала своим нытьем. Она должна быть прилежной, ухоженной куколкой!

Выйдя, казалось бы, в пустой коридор, Миса облокотилась на стену, тяжело дыша. Перед ее глазами все поплыло, а тело пронзила леденящая дрожь. Придя в себя, она решила пока не сообщать такую страшную новость. Во дворе на нее бросали косые взгляды, ведь Миса у руководства была на особом доверии. Внимательная и усердная, она никогда ничего не делала зря, решая все самостоятельно и не беспокоя настоятельница.

Ханако сидела, глядя в зарешеченное окно: «Миса задерживается... Сегодня так темно, что не видно звезд... Даже страшиновато...»

Дождавшись, пока девушки уснут, Миса ушла из комнаты. Она тихонько проскользнула в подвал: открыв дверь одиночки, вошла к маленькой узнице. Ханако, подбежав к ней, с радостью обняла. Миса, молча уложив ее спать, уткнулась лицом в ее волосы; в груди у нее что-то сжалось, причиняя боль.

Ханако лежала, повернулась к ней и, увидев ее глаза, полные слез, спросила:

— Что-то случилось? Тебя наказали из-за меня?

Миса, обняв ее, вздохнула:

— Прости... Я не знаю, что делать...

— Миса, ты о чем? У нас... же... — Девушка крепче прижала Ханако к себе, не давая договорить. Она чувствовала, как Миса дрожит, стиснув зубы.

От таких объятий стало душно, тяжело дышать.

— Миса... мне больно... Ты меня задушишь... — пробормотала Ханако.

Руки девушки отпустили ее, и она вдохнула холодный сырой воздух, просачивающийся через решетку. Миса села и вытерла слезы.

— Нам нужно постараться придумать, как тебе сбежать! Иначе... — Она затихла, но из слов старшей стало ясно: будущее, что ждало Ханако, было незавидным.

Девочка прижалась к ней, искренне веря новой подруге:

— Миса... Давай убежим вместе! Если мы постараемся, то сможем!

Теперь на лице, которое всегда было холодным и безразличным, Ханако увидела, как расцвела улыбка — мягкая и светлая.

Они долго разговаривали той ночью, их пальцы переплелись. В этой маленькой сырой комнате девочки лежали, словно родные сестры, откинув весь мрак, что окружал их.

Утром Миса вывела Ханако из одиночной комнаты, отведя в общую.

— Переоденься! — сухо произнесла она.

Теперь, смотря на Ханако, ей приходилось играть сложную роль.

— Я закончила... — тихо произнесла девочка, сложив снятые вещи перед Мисой на кровати.

Миса ушла, забрав одежду в прачечную. Ханако осталась сидеть на кровати в общей комнате. Снова с ней никто не

разговаривал. У соседок по комнате были свои компании, и она не входила ни в одну из них.

Постирав вещи и белье, Миса вышла на задний двор за прачечной. Раньше она никогда не обращала внимания на это место. Это была одна из немногих слепых зон в приюте, но младшие девочки никогда туда не ходили. Стиркой и глажкой занимались только девушки, что уже работали там.

Подойдя и взявшись за решетку, она уставилась в густой лес.

Ее отвлек шум: туда вошла девушка за высохшим постельным бельем.

— Что-то случилось?

— Нет, просто шум в лесу, стало интересно, что там, — холодно ответила Миса и резко ушла.

Девушка подошла к решетке и долго всматривалась в чащу, но ничего необычного там не было.

— Полоумная... — произнесла она вслед Мисе.

Теперь их дни тянулись уныло: Миса практически не общалась с Ханако, делая лишь замечания. Март сменил апрель, но в стенах приюта все оставалось по-прежнему.

Проснувшись посреди ночи, Ханако стояла у окна со стаканом воды, вновь смотря на поднимающиеся полупрозрачные тени над могилами в свете луны.

В комнату вошла одна из старших:

— Ты почему не спишь? Быстро в постель!

— Я просто хотела попить... — тихо ответила Ханако.

Девушка подошла, схватив ее за руку:

— Куда ты пялишься?

— Там кто-то стоит... Я испугалась... — вздрогнув, Ханako указала в сторону могил.

Девушка, кинув взгляд в окно, дала ей пощечину. Стакан выскользнул и со звоном упал, разбившись.

— Что ты натворила, паршивка! — по комнате пронесся звук еще одной пощечины, крик и всхлипы. — Убери сейчас же!

Миса лежала, думая о месте, что расположено за прачечной: *«Сможет ли она... Что, если... У нее получится, я уверена!»*

Когда в соседней комнате раздался звон стекла и ругань, она встала и спешно пошла проверить, в чем дело. Войдя в комнату, Миса увидела, как девушка, ругая ее маленькую подругу, замахнулась.

Ханako, стоя на коленях, собирала осколки голыми руками. *«Миса меня обманула... Она обещала, что защитит меня...»* — плача, думала она, смотря на дрожащие руки.

Подбежав к ним, Миса схватила девушку за запястье, с силой сжав, и дала ей пощечину. В комнате повисла тишина. Проснувшиеся девочки видели, как Миса, обычно безразличная, заступает за кого-то впервые.

— Брось!.. — Она коснулась плеча Ханako, осматривая ушибы на ее лице. — Вставай, не стой на коленях.

— Ты много возомнила о себе! Эта девочка разбила ста-

кан и несла какую-то чушь, будто видела кого-то посреди могил...

Миса, перебив ее и указывая пальцем, сказала:

— Убери здесь! И больше никогда не трогай ее!

Она взяла Ханако за руку и повела к двери.

— Это правда! Ты считаешь ее своей игрушкой... Только скоро она отправится в «Красный дом»...

Миса носила на поясе кожаный ремень. Вытянув его, она подошла к девушке — та тут же притихла.

— Никогда больше не поднимай на нее руку! Я сама ее накажу. — Она смотрела на девушку сверху вниз.

Забрав одеяло и подушку с койки Ханако, Миса ушла с ней. Спустившись в подвал, они снова оказались перед дверью маленькой одиночной комнаты.

Войдя внутрь, Ханако распереживалась еще сильнее:

— Я... я думала, ты обманула меня... Мы так долго не разговаривали... Мне так было невыносимо...

Миса улеглась рядом с ней и укрыла их обоих одеялом.

— Прости... Ты не поранилась? Тебе больно? Она тебя сильно ударила?

Ханако обиженно помотала головой, молча смотря на нее.

— Мне тоже очень тяжело... Я должна признаться: настоятельница, эта карга, сказала, что ты должна перейти в «Красный дом» в начале мая...

— Почему ты молчала... Ведь уже скоро мы расстанемся... — пробормотала Ханако.

— Я нашла способ... Слушай внимательно... — Она смотрела в ясные, янтарного блеска карие глаза девочки. — За прачечной есть место, где сушатся стиранные вещи, а за забором — густой лес.

Ханако восторженно воскликнула:

— Значит, мы можем...

В этот момент Миса уже решила пойти на все.

— Нет, ты сможешь! Если ты не сбежишь, я убью тебя. Это лучше, чем быть раз за разом изнасилованной каким-нибудь уродом, — произнесла она нервным, дрожащим голосом.

— Я постараюсь, — сдавленно произнесла Ханако, понимая, что с подружкой они скоро расстанутся.

— Не помню, чтобы туда вообще младшие ходили... Возможно, если ты будешь помогать мне, на это никто не обратит внимания.

Ханако потерлась о нее лицом:

— Миса, прости... А у тебя есть еще те вкусные...?

Миса, улыбнувшись, достала карамель. Теперь уже Ханако была счастлива. Тихонько катая языком во рту заветное лакомство.

— Не обижайся, я все сделаю, чтобы ты могла выбраться отсюда... Но и там будь осторожна. Я не знаю, насколько там опасно... — Миса гладила ее по голове, пытаясь придумать повод, чтобы взять ее с собой.

Теперь уже и Ханако знала о том, что все же есть лазейка.

От сладкого она уснула.

Утром, Миса, увидела Ханако, стоящую на носочках, пытающуюся дотянуться до оконной решетки.

— Миса, ты же не бросишь меня? — повернувшись с цветком выюнка в руках, спросила Ханако.

Миса, встав, подошла к ней, взявшись за мизинчик:

— Нет, не брошу!..

С этого дня Ханако постоянно была с Мисой, послушно выполняя все ее указания.

Настоятельница, прогуливаясь по двору, зашла в двери прачечной и застала внутри Мису с Ханако:

— Почему эта девочка здесь? Миса, ты же знаешь, что это твоя работа, и она не должна ей заниматься!

Миса, вздрогнув, пыталась быстро сообразить, как ответить. В ее голове была лишь одна мысль: *«Как же не вовремя ты пришла... Но это единственный вариант для нас... Для нее — стать свободной...»*

— Простите, настоятельница, вы сами просили, чтобы я привела ее в порядок! Ханако скучно: с ней никто не дружит, поэтому она делает странные вещи и придумывает всякое, чтобы привлечь внимание. Вот я и решила занять ее, да и немного общения ей не повредит.

Женщина бросила взгляд на Ханако, складывающую простыни в корзину:

— Правда... Ладно...

Настоятельница вышла, встав за дверью.

— Я закончила, — сказала Ханако, сложив простыни.

Миса, взяв корзину, строго произнесла:

— Пойдем, поможешь заправить постели и сделать уборку! — Она тихо дала ей понять, что сейчас опасно воплощать их план в жизнь.

Они прошли мимо настоятельницы, не давая ей повода усомниться в преданности Мисы. Таким образом на какое-то время отвлекли внимание от себя, но план побега требовал предельной осторожности: ведь мало было перелезть через забор незамеченной — нужно было не попасться.

Май ждать себя не заставил, принесся порой душные дни с грозами.

Вечером настоятельница вызвала Мису к себе:

— Где Ханако? Ее уже несколько дней не видно. Пора бы эту девочку отправить в другой корпус. Ей уже двенадцать, она достаточно взрослая.

Миса, как обычно, с присущим ей безразличием:

— Она в одиночной комнате, я наказала ее.

Настоятельница:

— Надеюсь, ты не бьешь ее по лицу? Ее хозяин любит красивых девочек.

Миса, склонив голову:

— Извините, настоятельница.

Женщина, разозлившись, ударила по столу:

— Больше не трогай ее и пальцем, иначе сама заплатишь за это. Как только ушибы пройдут, она отправится в

«Красный дом»!

— Да, настоятельница.

Выйдя из кабинета, Миса, не подавая вида, пошла в одиночную комнату. Спустившись, она тихонько прикрыла дверь.

Миса, дрожа, извинялась:

— Прости меня, сестренка, но я должна сейчас тебе сделать больно, чтобы выиграть немножко времени. Не злись на меня за это.

Она ударила несколько раз Ханако по лицу, оставив ушибы и кровоподтеки. Миса обняла ее, глядя по спине:

— Прости, я знаю, что больно! Но потерпи, я помогу тебе сбежать!

Ханако, уткнувшись в нее, тихонько плакала, сжимая ее платье.

Миса выдохнула:

— Это наша последняя ночь вместе. Помни: если ты не сбежишь, мне придется тебя убить. Я никому из этих грязных свиней тебя не отдам, не позволю, чтобы с тобой сделали то же самое, что со мной.

Утром Ханако, как обычно, отправилась в прачечную с Мисой. Собрав стиранную постель, они пошли развешивать ее. Подойдя к ограде, Миса спросила:

— Ты сможешь перелезть здесь?

— Да... — ответила Ханако, стиснув зубы.

Миса, набросив плотную пачку постельного белья на за-

бор, ушла присмотреть, чтобы не попасться. Маленького роста, Ханако было тяжело перелезть высокий забор без помощи; ей это далось, но с трудом.

Миса вернулась и увидела, что Ханако стоит за забором. Она быстро сняла постель, помогая скрыться беглянке. Передав через ограду горсть леденцов, сказала:

— Прощай, беги, не оглядываясь.

Ханако, схватив ее за руку:

— Ты обещала, что не бросишь меня!

Миса, улыбнувшись, резко стала серьезной и холодной:

— Беги! Если тебя поймают, ты будешь в могиле.

Рука Мисы дрогнула.

— Если тебе было больно от моих пальцев, то представь, если бы я это сделала грубо, кулаком.

— Обещаю, что буду всегда помнить о тебе... — Ханако отступила на несколько шагов и бросилась бежать, лишь раз оглянувшись на Мису. Силуэт маленькой девочки растворился между сосен.

Она бежала через лес; ей казалось, что он никогда не кончится. Ветки порой хлестали ее по лицу, цеплялись за одежду, путаясь в волосах, царапали ее тело. Но боли Ханако не чувствовала: отчаянно девочка просто искала выход, не зная, что ее ждет дальше. Усталая, выбившаяся из сил, она бесцельно брела по лесной чаще, разворачивая леденцы Мисы. Сладости немного подбадривали ее, придавая сил, напоминая о подруге, которая осталась там.

Ханако шла уже долгое время и в сумрачном лесу, споткнувшись, кубарем скатилась по склону, потеряв сознание.

Лежа на сыром мху, она бредила:

— Миса, не оставляй меня! Почему ты не хочешь сбежать со мной?

Она видела стоящую за забором Мису: из ее глаз побежали кровавые струйки, следом кровь потекла из ее рта. Ее губы беззвучно шевелились:

— Ханако, вставай! Беги...

Миса стояла за забором перед возвышающимся черным зданием приюта с красными окнами, истекая кровью. Теперь каждый ее шрам кровоточил. Это видение ужасно напугало Ханако, заставив очнуться. Вокруг уже было темно; ночь была очень холодной из-за морского ветра.

Она, развернув последний леденец, сквозь слезы прошептала:

— Миса...

Ханако спрятала в карман конфетный фантик как напоминание о ней. Она шла в потемках вдоль скалистого берега; ветер поднимал волны, разбивая их с шумом о скалы. Каждый раз она вздрагивала, слыша гул, поднимающийся с моря: *«Как страшно... Миса, почему мы должны были расстать-*

ся, как с мамой и папой...»

Холод морского ветра и слезы обжигали ее лицо. Пророгшая, она заметила свет из окна. Это был большой дом с садом, выходящим к лесу. Усталость, ночной холод и голод заставили ее, не задумываясь, пойти на свет. Ханako бежала через сад, спотыкаясь; кусты роз цеплялись за ее одежду. Постучавшись, она стояла на пороге, задыхаясь, хватая холодный воздух ртом.

Открывшая дверь молодая женщина, поправляя очки, одетая в черную юкату, увидела перед собой девочку в растрепанной грязной одежде, с ушибами и ссадинами; лицо было исхлестано и обветрено из-за слез и соленого ветра.

— Как ты здесь оказалась? — взволнованно спросила она.

Ханako, всхлипывая:

— Помогите...

Женщина взяла ее за руку, потянув в дом, и сказала:

— Проходи. Ты замерзла и вся в ушибах. Что с тобой случилось? Где твои родители?

Ханako мотала головой, показывая, что не знает ответа. Женщина, задумавшись, спросила:

— Может, ты сбежала? Как тебя зовут? Меня зовут Каори Арасияма, а тебя?

Ханako нервно уцепилась за рукав ее юкаты:

— Пожалуйста, не отправляйте меня туда! Я не хочу, там плохо... Лучше дайте мне умереть на улице.

Каори поняла, что попала в суть: девочка, стоящая перед ней, явно сбежала не от лучшей жизни.

— Постой, не бойся. Я не причиню тебе вреда... Пошли со мной.

Она отвела Ханако в ванную комнату:

— Давай снимем эту грязную одежду и помоем тебя.

Перед ней стояла худая девочка; ее тело было покрыто синяками после падения.

Каори, посадив девочку в теплую, наполненную ванну, улыбнулась ей:

— Дорогая, скажи мне, как тебя зовут? И расскажи, что случилось, иначе я не смогу тебе помочь.

Девочка, глядя на нее, ответила:

— Ханако... Меня зовут Ханако. Я жила в доме, что на горе.

— Ты говоришь о приюте, что здесь... Но ты такая маленькая, Ханако, как ты смогла пройти такой путь?

От теплоты рук Каори она доверчиво рассказала:

— Мне помогла убежать оттуда Миса.

Каори, моя волосы Ханако, выбирая запутавшиеся веточки:

— Миса? А кто она?

— Она присматривала за нами. — Девочка смотрела на свои руки, покрытые пеной от шампуня.

Каори удивленно переспросила, смывая шампунь душем:
— Миса — ваша воспитательница?

— Она моя дорогая подруга. Миса не хотела делить меня с мужчинами.

Каори, проводя мягкой рукой по ее волосам:
— Ты о чем?

— Миса хотела, чтобы я была ее сестренкой, — Ханакo вздрогнула, — но меня должны были перевести в другой дом, куда приезжают мужчины. Я должна была там работать. Она не хотела этого, не хотела, чтобы они меня лишили невинности и... — Ее глаза наполнились слезами, а голос стал сдавленным.

Каори, перебив нервное бормотание девочки:
— Ты, наверное, голодная?

Она завернула Ханакo в полотенце.

— Подожди, я принесу одежду, а твою старую мы выкинем.

Ханако подошла и начала шарить в кармане; достав что-то, она крепко сжала это в руке.

Каори, наблюдая за ней:

— Это что-то ценное для тебя? Можно посмотреть?

Ханако разжала ладошку: на ней лежала обертка от леденца.

— Мне их дала на прощание Миса. Я оставила фантик на память о ней.

— Тогда давай его сохраним. — Каори улыбнулась и мягко накрыла ее ладошку.

Выйдя из ванной, она оставила девочку ненадолго одну. Ханако сидела, завернутая в мягкое белое полотенце, думая: *«Вот бы Миса была здесь... Эта тетя такая добрая...»*

Каори вернулась с белой юкатой, прервав мысли Ханако.

— Давай я тебе помогу. Какая ты красивая... — Каори, чуть побледнев, схватилась за грудь и стала тяжело дышать.

— Тетя... что с вами?.. — Ханако испуганно смотрела на свою спасительницу.

Отдышавшись, Каори успокоила маленькую гостью:

— Не бойся, мое сердце очень слабое, мне просто нездоровится...

Взяв Ханако за руку, она отвела девочку на кухню и, подогрев бульон, спросила:

— Ханако, а сколько тебе лет?

Девочка, глядя на то, что делает эта добрая женщина:

— Двенадцать.

— Ты наверное давно не ела? Попей горячего. — Каори протянула ей чашку.

Ханако стала сонной после ванны и горячего питья.

Каори, обняв ее:

— Пойдем, поспишь сегодня со мной.

Ханако протянула руку, сонно зевая:

— Миса тоже любила спать вместе.

В постели Ханако, прижавшись к Каори, тихо уснула.

Настоятельница, сжимая трость:

— Миса, куда делась Ханако? Последней ее видела ты.

Миса, отпираясь:

— Не знаю, настоятельница. Возможно, она в одиночной комнате.

— Ты пытаешься из меня сделать дуру? — воскликнула женщина. — Отвечай, куда она делась!

В кабинет вошли две девушки, резко схватив Мису и прижав к столу настоятельницы.

Миса процедила сквозь зубы:

— Я не знаю, где Ханako. Она же такая маленькая, что могла просто спрятаться.

Настоятельница подошла, наклонилась, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Вас видели вместе у прачечной. Куда ты ее дела?

Она разорвала рубашку на спине Мисы и начала бить ее тяжелой тростью.

— Ты еще не хочешь мне отвечать?

Миса, подавившись, закашляла:

— Тебе ее никогда не найти.

Она снова почувствовала тяжелый удар по спине. Созна-

ние девушки помутнело: *«Прости, моя дорогая... Сестренка... Пожалуйста, будь счастливой... За нас обеих...»*

Женщина избивала Мису, пока та не потеряла сознание.
— Заприте ее! Ей предстоит расплатиться за содеянное.

Проснувшись, Ханako услышала разговор Каори с несколькими людьми:

— Подождите, я сейчас ее приведу.

Каори вошла в спальню, где сидела, Ханako, сжавшись на кровати и плача:

— Пожалуйста, не отправляйте меня обратно... Я... я не хочу возвращаться туда!

Каори, обняв ее за плечи:

— Не бойся. Тебя осмотрит мой доктор, я не допущу, чтобы ты вернулась в такое место!

Девочка, дрожа, ненадолго уперлась:

— Пожалуйста, не надо... Они меня отправят обратно...

Она села на кровать, усадив девочку к себе на колени, крепко прижала ее к груди.

— Прошу, доверься мне... Это добрые люди, они помогут тебе.

После уговоров Ханako вышла с Каори, держа ее за руку. Там стояли женщина в белом халате и мужчина в хорошем дорогом костюме.

Каори, подведя девочку к женщине, представила ее:
— Это доктор Сэцуко. Она тебя осмотрит. Расскажи ей все, что помнишь.

Сэцуко, наклонившись, подала ей руку:
— Какая ты красавица! Пойдем со мной в комнату. Не бойся, мне нужно с тобой поговорить наедине и осмотреть. Ты же храбрая девочка.

Ханako робко коснулась ее руки.

Сэцуко увела ее в дальнюю комнату и усадила на кровать:
— Ты можешь сейчас сосредоточиться и рассказать мне то, что рассказывала госпоже Каори, только максимально подробно?

Ханako, покачив головой:
— Я попробую.

Она начала пересказывать события, произошедшие с ней. В гостиной Каори разговаривала с нотариусом, работающим

с их семьей.

— Господин Сора, я могу помочь этой девочке? Можно ли мне, с таким здоровьем, взять под опеку Ханакко?

Сора вздохнул, смотря на фотографии в шкафчике:

— Вы же знаете, наша контора может сделать все для вашей семьи. Эта девочка очень похожа на Акико... Как жаль, что ее сердце было очень слабым... Простите, что напоминаю вам о столь горькой утрате.

— Мое сердце тоже очень болит, но оно все же не кусок камня! — Каори вздохнула, облокотившись на стол, сжав руку у груди.

Сора, держа фотографию Акико, провел пальцами по краю рамки.

— Я постараюсь помочь вам. Мы сделаем все, чтобы она осталась с вами.

Раздался стук в дверь: к ее дому пришла пара сестер милосердия, ищущих потерявшуюся сироту.

Каори подошла, открыв дверь, и спросила:

— Вы что-то хотели?

— Извините, мы ищем девочку, потерявшуюся на прогулке по лесу. Она такая маленькая: в белом платье, с черным кардиганом, — произнесла одна из них.

Из комнаты донесся тихий голос Ханако:

— Мне там холодно.

— Мой дом находится далеко от вашего приюта. Вряд ли она смогла бы пройти такой опасный путь, — сдержанно произнесла Каори.

Сестра милосердия:

— Если вдруг встретите...

Каори закрыла дверь, не дав договорить. Они снова постучались — громче.

— Это грубо — так закрывать дверь перед служителями церкви! — возмущенно воскликнула сестра милосердия.

Каори, взяв трость, открыла и вышла вместе с нотариусом.

— Грубо ломиться в дом к больной и безутешной вдове, которая потеряла и мужа, и дитя, — рассерженно произнесла Каори в ответ. — Если ваша девочка потерялась в лесу, то вам стоит поискать ее там! Вы не знаете, насколько опасны эти тропы, раз пришли ко мне!

Она указала им тростью на ворота:

— Чем быстрее вы ее найдете, тем будет лучше.

Сестрам милосердия ответить было нечем. Они ушли, разговаривая меж собой:

— Ты думаешь, она здесь?

— Да. Она сказала, что потеряла ребенка, но голос был явно детским в ее доме. Она лжет.

Сэцуко подошла к вернувшейся Каори. Она попросила Сору посидеть с Ханакко, так как им было нужно поговорить.

— Госпожа Каори, присядьте. Вам нельзя так переживать.

Каори, сев на диванчик, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Эти бесстыжие вывели меня из себя!

— Этой девочке нужно в больницу, — Сэцуко сжала ее руку. — Мы должны провести полное обследование. Она подверглась надругательству.

Каори дрогнула:

— Как скоро это нужно сделать?

— Я могла бы ее сегодня забрать. Ввиду того, что она перенесла... — Сэцуко закрыла свой блокнот, — мы можем сослаться на это и оформить как потерпевшую от насилия.

Лицо Каори стало бледным, а губы чуть дрожали — больше от ярости:

— Я поговорю с ней...

Сора, присев рядом с девочкой, от него пахло табаком и дорогим одеколоном. Он легонько коснулся ее щеки:

— Не переживай. Госпожа Каори хочет тебя удочерить.

— Я смогу остаться здесь? — Ханако, повернувшись, проронила, смотря ему в лицо. — Дядя, это правда?!

Сора улыбнулся:

— Да. Я постараюсь сделать все, чтобы ты осталась с госпожой Каори.

Каори вошла в комнату вместе с доктором Сэцуко. Подойдя к девочке, она произнесла, стараясь улыбаться:

— Ханако, послушай. Тебе сейчас нужно поехать с доктором Сэцуко. Она будет тебя обследовать в больнице.

— А вы поедете со мной? — разволновавшись, Ханако спросила ее.

Сэцуко мягко улыбнулась:

— Да. Госпожа Каори сегодня поедет с тобой, но тебе нужно будет остаться там ненадолго.

В больнице округа к Ханako в палату вошли полицейский и доктор Сэцуко.

Каори сидела с ней, гладила ее по голове, успокаивая:
— С тобой будет доктор Сэцуко, не бойся. Делай, как она говорит, хорошо?

Ханako сидела грустная, сжимая ее руку:
— Хорошо.

Каори вышла из палаты, чтобы полиция могла ее опросить и собрать показания свидетеля. Беседа была долгой. Ханako рассказала о случае, произошедшем с Кирико, настолько подробно, что Сэцуко, не выдержав, ненадолго вышла, чтобы привести себя в чувство. Также девочка рассказала историю Мисы.

Ближе к вечеру к зданию приюта подъехала полиция.

Настоятельница вышла, встав перед ними:
— Вас что-то привело сюда?

Офицер раздраженно бросил:
— Открывайте ворота!

— Вы не имеете права! Этот приют — собственность католической церкви. Вы не можете так врываться сюда! — возразила женщина.

Офицер, сжав кулак, отдал приказ:

— Еще как можем. Ломайте ворота!

Обмотав цепью прутья ворот, их сорвали тяжелым бронированным фургонном.

Настоятельница начала кричать на них:

— Варвары! Вас заставят за это ответить... Вы просто поганые свиньи!

Офицер протянул ей:

— Варвары... свиньи... Да нас и хуже называли... Мрази, подобные вам! Мы давно пытались найти доказательства того, что здесь творится! — Он усмехнулся ей в лицо. — И аллилуйя! Теперь у нас есть свидетель, который уже дал показания — более чем исчерпывающие, чтобы мы тебя повесили! Эта девочка... Я вспомнил ее глаза... Несчастливая, что лишилась родителей...

Настоятельница, глядя на офицера, процедила:

— Эта соплячка... — рассмеявшись, она добавила: — Миса, эта мерзавка предала меня...

Полицейская бригада прочесывала оба здания. Так называемый Красный дом был борделем для богатых людей: ведь там работали послушницы приюта. Это было очень дорогое удовольствие, но клиентов было в достатке. Их задерживали в комнатах с несовершеннолетними девочками.

Самое жуткое зрелище было в одиночной комнате подвала приюта: там нашли несчастную Мису. Над ней нависла туша крупного мужика в маске свиньи.

Полицейский, взяв его на прицел, рявкнул:
— Встать к стене! Ты меня слышал?

Мужчина продолжал усмехаться. Он начал ломать пальцы Мисы. Комната наполнилась ее криками.

Полицейский выкрикнул:
— Черт возьми, ублюдок, я прострелю твою башку, если ты не остановишься!

Мужчина в маске поднялся с кровати и направился к выходу. Раздались выстрелы. Он оттолкнул двух полицейских со своего пути.

По рации передали:

— Внимание! Крупный мужчина пытается скрыться, ранен...

Один из полицейских, подошедший первым к кровати, прошептал:

— Какой ужас... Потерпи, сейчас мы тебе поможем.

Теперь в радиии звучал тревожный сигнал:

— Врача! Девушка в тяжелом состоянии, нужна срочная помощь, сильное кровотечение... В голове Мисы раздавался какой-то гул, шум; от боли она уже отключилась и не понимала, что происходит. Лишь одна мысль ясно пробивалась в сознании: *«Надеюсь, у тебя получилось... Сестренка... И ты пьешь настоящий чай со сладостями... В уютном теплом домике...»* — это вызвало мимолетную улыбку, шокировав бригаду медиков, грузящих ее на носилках в машину скорой.

Приют был закрыт, местные прозвали это место «Адской бездной». Документы Ханако по просьбе юриста семьи Мизучи были переданы Каори: она стала ее опекуном, несмотря на слабое здоровье.

Узнав о таких делах, в дом Арасияма наведальась глава семьи Мизучи — собственно, она была матерью Каори. С ней приехала и ее сестра-близнец Нацуко с дочерью.

Глава Мизучи сильно возмущалась:

— Каори, я не допущу, чтобы чужак вступил в нашу се-

мью! Ты должна отказаться от этой девчонки! Тем более она из этого грязного борделя! Ты очень слаба — кто о ней будет заботиться?!

— Не переживайте, матушка, она вас не побеспокоит...
— Каори, храбрясь, ответила ей.

Глава Мизучи вскрикнула:

— Хватит! Почему ты не такая, как Нацуко?! Ты уцепилась за эту девчонку, потому что твоя дочь умерла! Она не Акико и никогда ей не станет!

Каори, стиснув зубы, сказала:

— Я знаю! Они умерли, и мне никого не вернуть! Но что плохого в том, что я хочу ей помочь?!

— Но пойми, сможешь ли ты о ней позаботиться одна? Ты даже не знаешь, кто она! — Мать пыталась вразумить Каори.

Макото, спрятавшись за Нацуко, была очень расстроена таким разговором. Нацуко, вступившись за убитую горем сестру, заявила:

— Если придется, я позабочусь о ней!

Глава, взяв трость, сильно ударила ее по руке:

— Не смей! Иначе я лишу тебя права стать во главе семьи! Вы слабые! Если будете такими мягкосердечными, то когда-нибудь поплатитесь за это! А ты что хнычешь?! Хочешь быть такой же слабой, как мать и ее сестра?!

Каори, взяв за руку Макото, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.